

НАРОДНЫЙ АРТИСТ
СССР
ЮРИЙ НИКУЛИН

Печатается
с продолжением

Установили свет. Скомандовали: «Тишина», «Мотор»...
Файнциммер тихо сказал:

— Начали.

Перед моим носом громко щелкнула хлопушка (хлопушки снимают для того, чтобы монтажники могли подобрать кадры по номерам и определить синхронность кадра).

У меня заколотилось сердце.

Казалось, что меня пронизывают какие-то невидимые съемочные лучи. Яростно видел эти как бы пунктирные линии, проходящие сквозь мое тело. Никто их не видит, а я ощущаю. Ноги стали ватными.

С трудом вошел в декорацию и обалдело остановился. Понял, что текст забыт начисто. Текста всего-то четыре фразы. Стоял до тех пор, пока режиссер не крикнул:

— Стоп.

И тут же спросил меня:

— В чем дело? Какую фразу вы говорите?

— Товарищи, я извиняюсь, товарищи, — спокойно произнес я первую фразу своего пиротехника.

— Ну вот и хорошо, — успокоил меня Файнциммер.

— Давайте еще раз. Приготовились.

— Тишина!

— Мотор!!!

— Начали!!!

Вбежав в комнату и набрав воздуха, чтобы сказать текст, я тут же понял: опять все слова забыты. Я замешкался, задергался и стал молча открывать чемодан.

— Стоп, — снова крикнул режиссер. И тут же спросил меня. — Вы текст учили?

— Учил, целых три дня...

Все засмеялись. Текст-то у меня всего несколько фраз, но они при словах: «Мотор! Начали!!» от волнения начисто выпадали из головы.

Следующие три дубля я тоже сорвал.

Сбивало меня требование останавливаться в установленном месте, где сделали на полу отметку мелом.

Начиналась съемка, и я смотрел не на комиссию, а на отметку. Съемку, естественно, останавливали, и второй режиссер удивленно меня спрашивал:

— Неужели вы не можете смотреть угловым зрением?

А я и понятия не имел об угловом зрении.

Вконец измучившись, Файнциммер сказал мне:

— Вы отдохните. Успокойтесь.

Файнциммер — режиссер спокойный по характеру. Он понимал, что человек снимается впервые и волнуется.

— Давайте попробуем сделать так, — предложил он, — пройдем все, как будто это съемка, со светом, с микрофоном, но без команды и хлопушки. Полная репетиция.

Включили полный свет. Дали команду начать репетицию. Все шло прекрасно.

Как и требовалось, я вбежал в комнату и произнес первую фразу: «Товарищи, я извиняюсь, товарищи...». Поджег шутихи и как только произнес последнюю фразу. Файнциммер выкрикнул:

— Быстро хлопушку!

Тут же кто-то подставил хлопушку к аппарату, и ее сняли.

Оказывается, вместо репетиции была съемка. Просто хлопушку решили дать в конце. Так сняли этот кадр.

Когда я переоделся после съемки, Юрий Чулюкин (он вместе с Евгением Каревым работал ассистентом у режиссера) сказал мне:

— Вам повезло, что вы снимаетесь у Файнциммера, попали бы к Ивану Александровичу Пырьеву, он бы вас за незнание текста просто выкинул из павильона.

Что ж, повезло, так повезло.

Прошло несколько дней. Мне позвонил Евгений Карапов.

— Вы знаете, все получилось отлично. При просмотре материала на вашей сцене все смеялись, и сценаристы решили написать для вас второй эпизод. Вы будете сниматься в нем вместе с Михаилом Ивановичем Жаровым.

Так возник эпизод, когда пиротехник приходит в музыкальный магазин к директору (его играл Жаров) и демонстрирует ему свою шутиху, взрывая в магазине чуть ли не целый отдел.

Естественно, на это предложение я с радостью согласился.

Позже мне рассказали, что кто бы из руководства ни смотрел рабочий материал, все просто хотели на эпизоде с моим участием. Это льстило.

— Вы у нас, — сказали мне как-то в группе, — иде-те козырным тузом.

Довольно близко во время съемок я познакомился с Михаилом Ивановичем Жаровым. Большой актер, интересный человек, он относился ко мне, начинавшему артисту, по-доброму, спокойно. Всегда подбадривал меня. Перед съемкой второго эпизода нам показали часть смонтированного материала. У меня буквально оборвалось сердце: «Неужели я такой?» — покрасился я. И голос, и выражение лица, которое я привык видеть в зеркале, все было другим. Не считая себя красавцем, я в общем-то думал, что выгляжу нормальным человеком. А тут на экране — полный кретин, с гнусавым голосом, со скверной дикцией, с лицом, лишенным всякого интеллекта. На меня это так действовало, что я расстроился. А вокруг все были довольны и говорили: «Хорошо, молодец».

Механически со всеми соглашался. А оставшись наедине с Жаровым, полностью излил ему душу. Он на меня посмотрел и, понизив голос, будто тайну сообщая, сказал:

— Это что. Когда я себя увидел в первый раз на экране, я заплакал. Жалко мне стало самого себя. Ушел в уголочек и плакал. Никак не ожидал, что так плохо выгляжу. Так что не расстраивайся. Наоборот, все у тебя нормально.

Случайно в разговоре выяснилось, что дом, в котором мы снимали комнату с семьей на лето под Москвой в Валентиновке, — недалеко от дачи Михаила Ивановича.

— Ты же со мной рядом живешь, заходи в гости, — предложил Жаров.

— А удобно ли? — на всякий случай спросил я.

— Да что спрашивать, приходи и все, буду рад.

В одно из воскресений я пошел. «Ну, — думаю я, — наверняка у него там не дача, а барская усадьба — с колоннами, с огромным участком (почему-то я, как и многие другие, считал, что такие артисты, как Жаров, живут непременно с размахом, широком).»

А у Жарова оказался обыкновенный финский домик, чистенький, уютный, с небольшим участком. Для дочек Михаил Иванович сам придумал и построил в саду меленький эдемик с игрушками. И вообще на даче все делал своими руками.

У меня сохранилась фотография: сидим мы в яркий солнечный день за столом прямо на участке. Пьем чай из самовара и беседуем.

Рассказывал Жаров великолепно. Вспоминал разные случаи из театральной жизни, говорил об известных актерах, о своем детстве. Я как зачарованный слушал, а потом сказал:

— Михаил Иванович, так вы же можете книгу написать — так все интересно рассказываете.

Жаров, отшучиваясь, ответил:

— Да ну, книгу. У меня и времени нет. Да и что писать.